

Евгения Арзиева

Репрезентация футуральной семантики в произведении Михаила Веллера "Колечко"

humanistica 21 2, 129-147

2018

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Евгения Арзиева

Репрезентация футуральной семантики в произведении Михаила Веллера *Колечко*

Representation of futural semantics in the work of Mikhail Weller *Ring*

Abstrakt

Artykuł przynosi analizę werbalno-semantycznych środków wcielenia semantyki futuralnej w opowieści *Kółko* autorstwa jednego z przedstawicieli literatury postmodernizmu – Mychała Welera. Autorka opisuje specyficzne sposoby zbudowania w powieści linii fabularnej, prowokującej semantykę futuralną. Autorka akcentuje właściwości takie jak: fragmentaryczne wyznaczenie przestrzeni, nieobecność imienia u bohaterów, temporalna trajektoria przeistoczenia obiektu. Jeśli chodzi o semantykę futuralną, jak podkreśla autorka, szczególnie aktualizuje się siema *prognoza*. Autorka artykułu wyznacza również współzależność semantyki futuralnej z semantyką wirtualnego świata i znaczenie tej współzależności dla ujawnienia ideowego zamysłu autora. Polega on na tym, że nieświętobliwe działania, zniekształcona interpretacja ludzkich wartości, zignorowanie ich w przeszłości i terażniejszości nieuchronnie pozbawiają człowieka przyszłości. Idea ta wpisuje się do postmodernistycznego paradygmatu kulturowego wraz z charakterystyczną dla niego neutralizacją zasięgów przeszłości, terażniejszości i przyszłości w filozoficznym i lingwistycznym rozumieniu kategorii czasu.

Słowa kluczowe: semantyka futuralna, czas, przestrzeń, prognoza, wirtualny świat

Abstract

The article deals with verbal and semantic means of embodying futural semantics in the story *Ring* one of the representatives of postmodern literature – Mikhail Veller. The author reveals special ways of presenting the storyline, provoking futural semantics. Particular attention is paid to such features as the fragmentation of the image of space, the lack of a name for the pt, the temporal pathway of the reincarnation of the object. In the composition of the spectrum of futural semantics, the seme *forecast* is especially

activated. In addition, the correlation of futural semantics and the semantics of possible worlds is described and the value of this ratio for revealing the author's ideological intent. It consists in the fact that unrighteous actions, a distorted interpretation of human values as well as ignoring them in the past and present inevitably deprive a person of the future. This idea fits into the post-modern cultural paradigm, which is characterized by the neutralization of the boundaries of the past, present and future in the philosophical and linguistic apprehension.

Key words: futural semantics, time, space, forecast, possible world

Интерпретация будущего в постмодернистской культуре достаточно своеобразна, она основывается на своего рода его отрицании как такового. Думается, именно такой идеей будущего обуславливается значимая рольданной темпоральной категории в постмодернистском художественном тексте. Этому способствует также разнообразиеспектра смыслов футуральной семантики и разнообразие языковых средств, используемых для их репрезентации. Сказанноеотчетливо прослеживается на материале произведения Михаила Веллера *Колечко* (Веллер: 1997).

Небольшой объем, единая сюжетная линия и однозначный идейный замысел позволяют обозначить жанр данного произведения как рассказ. Актуализация футуральной семантики обуславливается в нем, на наш взгляд, как своеобразием в подаче сюжетной линии, так и комплексом языковых средств, используемых автором для воплощения этого своеобразия.

Настоящая статья посвящена изложению содержательных и формальных особенностей рассказа, способствующих проявлению футуральной семантики с учетом разнообразия ее составляющих.

В связи с подачей сюжетной линии произведения, провоцирующей футуральную семантику, можно выделить несколько следующих моментов. Первый из них связан с отсутствием в произведении последовательной зависимости двух философских категорий: времени и пространства. Действие героев рассказа привязано

главным образом ко времени и лишь эпизодически к пространству. Согласно сюжету, в рассказе отсутствует четкое обозначение пространства, в котором разворачиваются события. Как некий областной центр оно упоминается лишь в случае прогнозируемых расчетов главного героя произведения, позволяющих ему избежать грядущего распределения после окончания медицинского института, которое отнюдь не предполагало получения работы в большом городе: *до распределения они рожают ребенка, и их оставляют в **областной** больнице*. Таким образом, смысловая нагрузка пространства незначительна, что предопределяет смещение действий героя во временную траекторию, провоцирующую главным образом футуральную семантику.

Кроме того, обращает на себя внимание тот факт, что совершенно проигнорировано обозначение пространства в одной из последних реплик героини – дочери семейства, о котором идет речь в рассказе: *„Я **уеду отсюда, выйду замуж, стану ей помогать**”* (Веллер: 1997, 10). Как следует из представленной реплики, пространство передается в данном случае фрагментарно, лишь посредством использования наречия *отсюда*. Героиня делает прогноз с актуализацией на будущие действия, вне зависимости от пространства, на котором они будут разворачиваться. Сравнение же данного и предшествующего фрагментарно обозначенных пространств свидетельствует об их аксиологической противоположности в отношении перемещения героев. Если первое из пространственных перемещений в суждениях главного героя получает негативную оценку (перемещение из областного центра на периферию), то второе в суждении героини рассказа – оценку позитивную (из областного центра в неведомое пространство).

Между тем ученые-философы единодушно указывают на взаимозависимость времени и пространства. Так, Вяч. Волков, обозначая основные свойства времени, подчеркивает его «неразрывную связь с пространством и движением» (Волков: 2010). На основе философской теории отрыв времени от пространства сводит на нет будущее героев анализируемого рассказа.

Второй момент, провоцирующий футуральную семантику в произведении, обосновывается теорией философии имени. Согласно данной теории, имя человека является тем индикатором, благодаря которому он идентифицируется как личность, отличная от других. В частности, В.И. Постовалова, анализируя теорию А.Ф. Лосева, связанную с философией имени, выделяет три основных тезиса ученого, объясняющих его концепцию:

- 1) Имя не есть звук, но сама вещь, данная в разуме;
- 2) Имя есть энергия сущности вещи и, следовательно, несет в себе все функции (интеллигентные, мифологические и личностные) и
- 3) Только при таком понимании имени и возможно обоснование общения субъекта с объектом» (Постовалова: 2009, 41-68).

Как показывает анализ, согласно первому тезису ученого, имя не является простым сочетанием звуков, а выполняет функцию отождествления себя в вещь. Таким образом, безымянная вещь априори не существует в сознании человека применительно и к пространству, и ко времени. Второй из представленных тезисов заключает в себе синергетическую сущность имени, проявляющуюся в вещи. Причем, согласно третьему утверждению философа, альтернативы такому пониманию сущности имени быть не может.

В анализируемом рассказе имя, однако, не несет достаточной смысловой нагрузки, поскольку среди участников событий обозначено имя лишь одного из героев – Брянцева. Смещение имени на задний план, как незначительного для раскрытия идейного замысла автора, предопределяет значимость действия как такового, что непосредственно ведет к актуализации временного плана, воплощаемого прежде всего в футуральной семантике. В то же время на основе изложенной сути философии имени игнорирование имени имплицитно предопределяет невозможность будущего героев.

Следующим своеобразным моментом подачи сюжетной линии рассказа, связанным с футуральной семантикой, является способ, который мы условно обозначаем как *‘семантику траектория перевоплощения объ-*

екта в сознании субъекта. Она соотносится с дочерью героев рассказа. В качестве субъекта в данном случае выступает главный герой произведения – врач по профессии и преступник в жизни, а в качестве объекта – его неродная дочь. В сознании субъекта объект первоначально предстает как плод, поскольку ему известно о тайной беременности девушки – его будущей жены, далее объект перевоплощается в ребенка, затем в «родную» любимую дочь и, наконец, в потенциальную невесту. Если первый из обозначенных объектов имеет имплицитную вербализацию, поскольку передается посредством лексемы *беременна*, предполагающей плод, то три последующих эксплицируются автором благодаря использованию соответствующих лексических средств: *ребенок*, *дочь*, *невеста*.

В контексте прогноза героя как составляющей футуральной семантики неравнозначность обозначенных объектов, на наш взгляд, заключается в том, что первые три из них (плод, ребенок, дочь) спрогнозированы изначально и вписываются в систему человеческих ценностей. Последний из объектов – невеста отца, хотя и неродного, – выходит за рамки этих ценностей. Не случайно данный прогнозируемый объект не имеет ничего общего с первоначально прогнозируемой футуральной траекторией и возникает в воображении героя позднее:

(я) понял, что это моя жизнь – ошибка, я не на той женился, а надо жениться **на дочери**. И логически подумал, что могу это сделать, так как она мне, во-первых, не дочь, а во-вторых, меня любит (Веллер: 1997, 7).

Извращенный прогноз в контексте данного перевоплощения (дочь в невесту) также сводит на нет будущее героя.

Символичной представляется также семантика перевоплощения объекта, в качестве которого выступает колючко. Если в начале рассказа оно является реальным предметом, символом любви, то в конце оно представлено как подделка. Подделка не может стать символом, заменяющим настоящие чувства, что также предопределяет жизненный крах героя в будущем.

К своеобразию в подаче сюжетной линии рассказа относится также прогноз главного героя (субъект 1) прожить в будущем жизнь своего друга (субъект 2), что толкает его (субъект 1) к умышленному убийству. В качестве каузатора в данном случае выступает зависть, о чем свидетельствует следующее размышление главного героя: (о друге Брянцеве)

Мог ли я в глубине души не желать ему низведения с высот до надлежащего уровня – ниже моего... (Веллер: 1997, 6).

Если каузатор обозначить через символ К, принадлежащий субъект 1 (S1), объект жизнь – символом О, принадлежащий субъекту 2 (S2), значок принадлежности посредством символа €, а само действие лишение через Р, то с позиций семантического анализа структура обозначенного действия в составе его участников схематически может быть представлена следующим образом:

К влияет на $S1€K \rightarrow P \rightarrow S2€O$.

Интерес представляет частое отсутствие будущего в темпоральной парадигме рассуждений героя рассказа. Как показывает произведенный анализ, они сконцентрированы на двух временных планах: прошлом и настоящем, например:

Трудно сказать, что хуже: остаться без **настоящего** или остаться без **прошлого**. Но мне – мне суждено было потерять **прошлое и настоящее** разом (Веллер: 1997, 9).

Идейная значимость субстантивированных прилагательных *прошлое, настоящее* в данном контексте несомненна. Лишение этих двух временных планов предопределяет невозможность третьего из них – плана будущего. Прогноз героя на будущее оказывается несбыточным, что в обобщенном виде резюмируется в реплике автора: „Человек **любит надеяться**, что самое тяжелое – **позади**” (Веллер: 1997, 9).

В целом прогноз как составляющая футуральной семантики занимает в произведении значительное место. Все прогнозы героя условно можно разделить на два ос-

новых вида: внешние, которые также условно обозначим как прогнозы *напоказ*; и внутренние, связанные с сокровенными, но не самыми лицеприятными мыслями. Именно последние позволяют раскрыть сущность человека.

Примечательным в рассматриваемом контексте является факт реализации т.н. прогнозов *напоказ*. С этой целью в качестве языковых средств используются глаголы прошедшего и настоящего времени с делокализованной темпоральной семантикой. Глаголы прошедшего времени в имперфектном значении передают положительные характерологические действия героев: „И все – вместе только. В отпуск хоть: поодиночке ни-ни: **не во-дилось**” (Веллер: 1997, 1). Глаголы настоящего/ простого будущего времени используются в значении постоянного абстрактного времени. Сущность данного значения сводится к тому, что оно передает действия вне зависимости от времени его протекания, то есть те характерные действия, которые, как правило, субъект производит постоянно, всегда. В рассказе глаголы в данном значении используются с целью передать характерные черты героя, в частности Брянцева: „На практику – Брянцев любого **обольстит, завладеет** лучшим направлением – и его за собой **тащит**” (Веллер: 1997, 2), а также с целью подчеркнуть видимую гармонию в семейных отношениях главного героя и его жены: „В командировках **звонит** ей каждый день: как дела, не волнуйся (Веллер: 1997, 1). Она с дежурства, значит, усталая, – он уж сам обед **сготовит**, прибрано все (Веллер: 1997, 1), Или ночью вызовут его – она **спать и не думает, ждет**” (Веллер: 1997, 1).

Прогноз *напоказ* реализовывается за счет видимых свойств характера героя, передаваемых с помощью имперфектной семантики глаголов прошедшего времени: (о нем) „Очень его **любили** все – **простой был, не гордый**” (Веллер: 1997, 1). „**Не пил** он совсем” (Веллер: 1997, 1).

Вместе с тем формы глагола прошедшего времени с имперфектной семантикой используются также с целью подчеркнуть негативные характеристики личности

героя, который прогнозирует количество детей в семье: „...один ребенок – точка: обузы парень никогда **не домогался**” (Веллер: 1997, 2).

Внутренний прогноз, согласно проанализированным данным, соответствует сущности героя, основанной на расчете. Этот расчет строится с учетом как негативных, так и позитивных жизненных обстоятельств. Глаголы настоящего и простого будущего времени в наглядно-примерном значении, используемые для передачи расчета, связанного с предупреждением негативных жизненных обстоятельств, употребляются в едином контексте с глаголом прошедшего времени в аористическом значении, носящем фактологический характер. Факт гибели Брянцева в прошлом по вине героя, с которым он жил в одной комнате, порождает текущие проблемы в будущем: „Вот **погиб** Брянцев... **придется** вдвое **платить... или пускать** кого, малоприятно...” (Веллер: 1997, 2).

Позитивный, с точки зрения героя, внутренний расчет на будущее связывается главным образом с возможностью жениться на невесте погибшего друга. Интерес представляет при этом передача его мыслей, с целью чего используется глагол перформативного характера *грядет*, лексическое значение которого включает в себе футуральную семантику: „...через год **грядет** распределение, а преимущество предоставляется семейным...” (Веллер: 1997, 2).

Кроме того, позитивный внутренний расчет воплощается благодаря глаголам положительной коннотации в наглядно-примерном значении настоящего времени. Данное значение, характерное главным образом для разговорной речи, выражает действие, которое реализуется как достаточно типичное для той или иной ситуации, следовательно, служит для соответствующей ситуации наглядным конкретным примером. В прогнозах героя данное значение глагола занимает одну из доминирующих позиций:

И **выбирается** заурядная девчонка с первого курса...
Раз: она его **уважает** и **почитает**: он взрослый, способный, умный, герой-фронтовик... Два: единственная

дочь обеспеченных родителей, им **подкидывают**, в плане материальном он **не отяготился**... оптимальное решение... Четыре: до распределения они **рожают** ребенка, и их **оставляют** в областной больнице. Он **идет на место хирурга** и **становится дельным хирургом**... У него и научная работа, он и **в общественники лезет**, и **речи толкает**, и **кандидатскую кропает**, и с любым **умеет поладить**...(Веллер: 1997, 2). Семья – куда лучше. Дочка славная **растет**, а больше-то детей и не было, может, у него своих и не могло быть (Веллер: 1997, 5).

В ряду приведенных примеров интерес представляет второе высказывание („Два: единственная дочь обеспеченных родителей, им **подкидывают**, в плане материальном он **не отяготился**...”), в котором представленный глагол настоящего времени *подкидывают* подается в сочетании с глаголом прошедшего времени в переносном значении будущего времени совершенного вида с положительной для героя динамикой действия *не отяготился*, позволяющий передать уверенность героя в осуществлении своих внутренних прогнозов.

Однако в приведенных высказываниях также обращает на себя внимание использование автором, наряду со стилистически-нейтральной глагольной лексикой и глагольными словосочетаниями, лексикой и словосочетаний разговорно-просторечного характера. Это позволяет выразить пренебрежительное отношение автора к прогнозам главного героя рассказа: *подкидывают*, *в общественники лезет*, *речи толкает*, *кандидатскую кропает*.

Наглядно-примерное значение глагола, как представляется, в наибольшей степени способствует передаче семантики прогноза, участвуя в репрезентации возможных миров на основе когнитивных моделей. Как подчеркивают представители когнитивной лингвистики,

наши знания, отражаемые в языковой форме, организуются с помощью определенных структурно-когнитивных моделей» (40, 13).

Так, В.В. Болдырев, с опорой на исследования Дж. Лакоффа, Ж. Фоконье, выделяет следующие когнитив-

ные модели: образно-семантические (вместилище), пропозициональные (пропозиция, сценарий, пучок признаков и т.д.), метафорические, метонимические, символические. В рассматриваемом художественном тексте существенными являются фреймы и сценарии.

С опорой на Ч. Филлмора ученые предлагают следующую дефиницию фрейма: это когнитивная структура, «знание которой предполагается ассоциированию с концептом, представленным тем или иным словом (Новое в зарубежной лингвистике 1989, 15). Вместе с тем исследователи, в частности В. В. Болдырев, подчеркивает широкий подход к термину *фрейм*. С его точки зрения, это структурированная единица знания, в том числе схема, сценарий (Болдырев...). Выделяя сценарий в качестве особой когнитивной структуры, А.Г. Хлебодарова интерпретирует ее как когнитивный сценарий. С опорой на М. Минского ученый наделяет этот термин следующей дефиницией: «сеть, состоящая из ряда терминов (узлов, слотов) и отношений между ними» (Хлебодарова: 2013). Рассматриваемый исследователем когнитивный сценарий дискурса мечты, по ее справедливому мнению, «представляет собой алгоритм конструирования определенного возможного мира» (Хлебодарова: 2013). Алгоритм позволяет переводить одну реальность, основанную на прошлом опыте, в другую, виртуальную. В результате происходит замена референтов реального мира на референты мира виртуального (возможного). Именно такого рода алгоритм прослеживается в прогнозах героя благодаря использованию глаголов в наглядно-примерном значении в настоящем времени, передающих действия, направленные на будущее, например: *Предусмотренный вариант: предлагает для выручки фиктивный брак* (Веллер: 1997, 6).

Прогнозы, как свидетельствуют полученные фактические данные, излагаются в рассказе путем употребления односоставных инфинитивных предложений. Временной план в таких предложениях оказывается неопределенным, что обуславливается номинативным характером самого инфинитива как особой формы глагола. Отсутствие формально выраженного временного плана,

однако, отнюдь не лишает действия, передаваемого с помощью инфинитива, темпоральной семантики. Согласно проанализированному материалу, с помощью инфинитива воплощаются предполагаемые действия, которые, по мнению героев произведения, могут исправить в будущем сложившуюся ситуацию. На основе этого в рассказе доминируют инфинитивные предложения с футуральной семантикой. Приведем следующий иллюстративный материал: (о девушке)

Она осталась беременной... Аборты были запрещены. **Довериться?** Кому? Как? Чем поможет: **сознаться** в тайном, подсудное дело, огласка, позор... (Веллер: 1997, 2).

Бросить институт, **уехать**, **устроиться** на работу, **родить**... Куда? Как? На какие деньги? (Веллер: 1997, 2).

Как свидетельствует приведенный материал, представленный обрывочными фразами разговорного характера, данные фразы применительно к кодифицированному литературному языку в своей совокупности трансформируются в сложноподчиненные предложения с условной семантикой. Любое из прогнозируемых действий девушки, выражаемых с помощью инфинитивных предложений, наталкивается на определенные препятствия, выражаемые посредством неразрешимых вопросов риторического характера. Изложение прогнозов в рассматриваемых высказываниях соответствуют придаточной условной части сложноподчиненного предложения, а невозможность их осуществления в будущем – риторическим вопросам, соответствующим его главной части. Схематически базовую семантическую структуру подобного рода конструкций можно представить в следующем виде:

Союз *если* + глагол в инфинитиве с положительной коннотацией..., *то* + глагол в будущем времени с отрицательной коннотацией.

Анализируемые выше примеры представляют собой одну из модификации данной базовой семантической структуры.

В качестве еще одной модификации этой структуры, включающей футуральную семантику прогноза, следует интерпретировать также высказывания, представляющие собой сложные бессоюзные предложения, предикативные части которых включают глаголы будущего времени. В них передается потенциальная обусловленность, спроецированная на план будущего. Следует подчеркнуть, что прогноз, по сути своей представляющий возможные миры, отличается от ряда смежных с ним в семантическом плане компонентов прежде всего приближенностью к потенциальной реализации действия. Думается, этим свойством прогноза и обуславливается его репрезентация в анализируемом рассказе М. Веллера в формах глаголов будущего времени.

Соотнесенность футуральной и возможной семантики подчеркивается в целом ряде исследований. Согласно А.П. Бабушкину, это обуславливается спецификой значения будущего времени, которое ряд ученых склонны относить к сфере ирреальных наклонений, поскольку передаваемое им действие еще не осуществилось (Бабушкин: 2001, 20). Предположение его реализации после момента речи во многом способствует связи будущего времени с возможным миром.

Возможный мир, воплощаемый анализируемыми конструкциями, определяется как максимально приближенный мир, о чем свидетельствует следующий иллюстративный материал:

(знал о беременности от погибшего друга) **Оскорбишь** своим знанием: а она **головой отрицательно замочает** в ужасе – и после **покончит с собой** (Веллер: 1997, 5).

Как известно, представленная модификация в виде сложного бессоюзного предложения свойственна главным образом разговорной речи. Ее употребление в рассказе объясняется стремлением автора максимально приблизить речь героя непосредственно к разговорной речи. В этом контексте следует указать на общие тенденции, характерные для постмодернистской литературы, которым следует в своем творчестве Михаил Веллер. Сте-

пень использования конструкций рассматриваемой модификации подтверждает также следующий фактический материал:

И торопиться приходилось, быстро делать, быстро! Беременность шла; не приведи бог **заподозрит, догадается** (Веллер: 1997, 2).

(о Брянцеве) ...никогда не было **уверенности**, что он **женится**. Нет, не одной мне **обещал...** (Веллер: 1997, 9).

Как свидетельствуют приведенные примеры, возможный мир в данных конструкциях формируется с участием глагола будущего времени синтетической структуры, то есть глаголов совершенного вида. Участие значения совершенного вида в выражении предполагаемых действий свидетельствует о потенциальной возможности их завершенности в сознании говорящего. Вместе с тем в равной мере рассматриваемые конструкции формируются за счет использования глаголов будущего времени аналитической структуры. В этом случае говорящий указывает на незначительность предельности действия: (ее мысли)

С чем подойти, «женись как друг»?... И **женится** – где зарок, что **не попрекнет** в тяжелый час, **не будет** собственную **душу грызть** и **на тебе срываться...** (Веллер: 1997, 2).

С целью приблизить речь героев произведения к разговорной стихии автор использует также бессоюзные сложные предложения, включающие в одной из предикативных частей глаголы в повелительном наклонении в переносном значении. Данные бессоюзные сложные предложения соответствуют в смысловом отношении сложноподчиненным предложениям с условной придаточной частью, представляя собой одну из модификаций их выше представленной базовой семантической структуры. Глагол в форме повелительного наклонения в определенных контекстных условиях утрачивает свое прямое значение, характерное для данного наклонения, выражая значение будущего времени в наглядно-примерном значении. Благодаря этому изображается

мир предполагаемых решений. В главной части при этом излагается результат предпринятых потенциальных действий в виде эксплицитно и имплицитно используемых глаголов будущего времени:

За нос такого провести нетрудно: **приласкай** – и **верти** им, любому слову **поверит** (2). ...**открой**, что беременна – **разбежался** он чужую заботу **покрывать** (2). **Признайся** – **простит ли** унижение, **не потеряешь** ли ребенка, которого привык считать своим и любишь, к чему все **приведет...** (5). **случись** что с Брянцевым – **каюк** ей, **беспомощность...** (Веллер: 1997, 6).

Анализируемый материал свидетельствует о том, что в репрезентации футуральной семантики в рассказе значимое место занимает глагольная лексика. В семантическом плане она представлена глаголами, передающими:

а) состояние желания: (о друге Брянцеве) Даже – я **желал** его гибели (Веллер: 1997, 6).

(О друге Брянцеве) Мог ли я в глубине души **не желать** ему низведения с высот до надлежащего уровня – ниже моего... (Веллер: 1997, 6).

...временами мне вовсе **не хотелось** жениться на этой девчонке, беременной от другого, не любящей меня... (Веллер 1997, 2);

б) действия, заключающие прогноз: Я **рассчитал** правильно (Веллер: 1997, 6).

...женитьба на ней уже **не представлялась** мне обязательной (Веллер: 1997, 6).

Предусмотренный вариант: предлагает для выручки фиктивный брак (Веллер: 1997, 6).

Планы безумные перебирал. **Надеялся** еще на что-то?.. Все **продумал**, все **просчитал**, все **учел**. **Семь раз отмерил...** (Веллер: 1997, 6);

в) действия, основанные на стремлении: Кто **не стремится** устранить соперника? (Веллер: 1997, 6).

Как видно из представленных примеров, данная лексика отражает возможный, воображаемый мир. Автор, однако, уделяет большое внимание идее несоответствия воображаемого и реального миров. В данном случае актуализируется два временных плана: прошлый и настоящий. К плану прошлого относятся осуществленные прогнозы героя, к плану настоящего – разочарование в них как жизненных ситуациях:...

что, собственно? одиночество – не постыло ли... **развестись** всегда **можно**; алименты? ерунда... (Веллер: 1997, 5).

Я **женился** на ней – ну, так **обрел ли** я желаемое?... (Веллер: 1997, 7). И **по прошествии двадцати пяти** лет окончательно **явствует**, что парнишка-то нас всех **обскакал** (Веллер: 1997, 2). Я почувствовал... **жертвой** собственного воплощенного **плана**, который теперь диктовал мне мое **прошлое, настоящее и будущее** (Веллер: 1997, 6).

Следует, однако, обратить внимание, что в последнем из приведенных примеров, помимо лексем *прошлое, настоящее*, употребляется также лексема *будущее*, что свидетельствует о неразрывности трех временных планов категории времени.

Проекция на будущее, представленная в сложноподчиненных предложениях со значением придаточной цели, основывается на глаголах в форме сослагательного наклонения в главной части и прошедшего времени с проекцией действия как желательного в будущем в придаточной части:

Да я **бы сжег** этот институт, весь этот город со всеми обитателями, **чтоб ничего этого не было и она любила меня** (Веллер: 1997, 6).

Воображаемый мир в проекции на будущие действия передается в рассказе также путем использования сложноподчиненных предложений с изъяснительной придаточной частью. При этом в главной части используется глагол, передающий семантику воображения, а в придаточной – глаголы в сослагательном наклонении

положительной коннотации также с проекцией на возможное будущее:

...мне **представлялось**, как славно, ели **б** они **поженились** с Брянцевым, и я **бы пил** на их свадьбе, и у них **родился** ребенок, и **так далее** (Веллер: 1997, 6).

Особое место в реализации идейного замысла рассказа занимает взаимосвязь футуральной семантики с семантикой долженствования. Актуализируя последнюю, автор воплощает мысль о том, что неосуществленная необходимость действия влечет за собой негативные последствия в будущем. Данная мысль передается в рассуждениях дочери посредством использования глаголов в аналитической форме императива, а также модальных слов со значением долженствования типа *должен, надо*: (дочь о матери)

...она **не должна жить** с тем, кого знает как убийцу любимого... **Пусть** же хоть **сейчас сумеет** быть верной; она **должна ждать** его, она **должна остаться** с ним... иначе что же от нее **останется** (Веллер: 1997, 10).

В контексте заявленной для анализа темы, как представляется, в приведенных примерах особого внимания заслуживает форма *глагола пусть сумеет*, включающая императивную частицу *пусть* и глагол в форме будущего времени совершенного вида, что способствует передаче взаимозависимости императивной и футуральной семантики действия, доведенного до предела. Семантика наречия *сейчас*, передающая значение плана настоящего также, на наш взгляд, обнаруживает в рассматриваемой конструкции более широкий темпоральный диапазон. Имплицитно оно противопоставляется наречию *тогда*, не получившему вербального выражения, а также выражает направленность обозначенных действий на будущее.

Таким образом, доминирующая роль футуральной семантики в проанализированном рассказе обеспечивается своеобразной подачей сюжетной линии в целом и отдельных ее составляющих, а также комплексом вербально-семантических средств, направленных на вопло-

щение основной идеи автора. Она заключается в том, что несправедливые действия, извращенная интерпретация человеческих ценностей, их игнорирование в прошлом и настоящем неизбежно лишают человека будущего. Данная идея вписывается в постмодернистскую культурную парадигму, для которой характерна нейтрализация границ планов прошлого, настоящего и будущего в составе категории времени в философском и лингвистическом ее понимании.

Библиография

- Актуальные проблемы современной лингвистики: учебное пособие/* сост. Чурилина, Л.Н. 5-е изд. 2010, Москва, Флинта.
- Бабушкин, А. П. 2001. *Возможные миры в семантическом пространстве языка*. Воронеж: Воронежский государственный университет.
- Бабушкин, А. П. 2004. „Перевод поэтического произведения как реализация «возможных миров». [В:] *Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*, № 2.
- Болдырев, В. В. 2000. *Фреймовая семантика как метод когнитивного анализа языковых единиц*. Эл. версия. Режим доступа
[[www.academia.edu/3625741/Фреймовая семантика](http://www.academia.edu/3625741/Фреймовая_семантика)].
- Бондарко, А. В. 1990. *Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность*. Ленинград, Наука.
- Бразговская, Е. Е. 2001. *Текст в пространстве культуры*. Пермь, Изд-во Пермского ун-та.
- Волков, Вяч. 2010. *Философия: основные проблемы, понятия, термины*. Эл. версия. Режим доступа: [rovallib.com/book//volkov_vyacheslav/filosofiya_osnovnieproblemi...].
- Заика, В. И. 2006. *Очерки по теории художественной речи: Монография*. Великий Новгород.

- Иванов, Вяч. Вс. 1980. „Семантика возможных миров и филология.” [В:] *Проблемы структурной лингвистики*. Москва, Наука.
- Ильин, И. П. 1998. *Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мира*. Москва, Интрада, Эл. версия. Режим доступа: [lib.ru/CULTURE/ILIN/postmodern.txt].
- Ильина, Е. Ю. 2009. *Концептуализация вымысла в языковом сознании и тексте: дисс... д-ра филол.наук*. Волгоград: Волгоградский гос. пед.ун-т.
- Касевич, В. Б. 1988. *Семантика. Синтаксис. Морфология*. Москва, Наука.
- Киклевич, А. 2007. „Художественный текст и теория возможных миров.” [В:] Киклевич, А. *Притяжение языка*. Том. I: *Семантика. Лингвистика текста. Коммуникативная лингвистика*. Olsztyn.
- Кузнецов, В. Ю. 2001. „Философия языка и непрямая референция.” [В:] *Язык и культура. Факты и ценности*. Москва.
- Куклева, Т. В. 1999. „Инфинитивные предложения как средство выражения модального значения сомнительности.” [В:] *Лексика, грамматика, текст в свете антропологической лингвистики: Тезисы докладов и сообщений междунар.науч.конф.* Екатеринбург.
- Курицын, В. 2001. *Русский литературный постмодернизм*. Электронная версия. Режим доступа: [www.guelman.ru /5level /postmod /1.html]
- Медведева, Г. Р. 1996. *Художественный текст: специфика интерпретации*. Электр. версия. Режим доступа: [www.texst]
- Николина, Н. А. 2003. *Филологический анализ текста*. Москва, Издательский центр *Academa*.
- Новое в зарубежной лингвистике*. 1989, Вып. 23: *Когнитивная лингвистика*. Москва, Прогресс.

- Постовалова, В. И. 2009. „Герменевтика «Философии имени» А.Ф. Лосева (философия языка и язык философии)”. [В:] *Критика и семиотика*. Вып. 13.
- Русская разговорная речь: фонетика, морфология, лексика, жест*. 1983. Москва, Наука.
- Сафронова, Л. В. 2001. *Современный литературный процесс: Учебное пособие*. Алматы.
- Тураева, З. Я. 1988. *Лингвистика текста. Текст: структура и семантика*. Москва, Просвещение.
- Хинтиikka, Я. 1980. *Логико-эпистемологические исследования*. Москва, Прогресс.
- Хлебодарова, А. Г. 2013. „Когнитивный сценарий для курса мечты: конструирование возможного мира.” [В:] *Вестник Иркутского государственного лингвистического университета*. №3 (24). Эл. версия. Режим доступа:
[cyberleninka.ru/article/n/roqnitiny/]
- Эко, У. 1984, *Парадоксы визуальной семиотики*. Эл. Версия. Режим доступа: [www.e-reading.ws]